

Оливия Ли

ВИШНЁВЫЙ
сад
НА ГРОЗОВОМ УТЁСЕ

БАГРЯНЫЙ РАССВЕТ

Ли Оливия
Вишневый сад на Грозном
утесе. Багряный рассвет
Серия «Вишневый сад на
Грозном утесе», книга 4

*<https://litres.ru/74188544>
SelfPub; 2026*

Аннотация

После долгих лет испытаний Оливия и Денис наконец обретают то, о чём мечтали с самой юности: дом, семью и тихую жизнь. Кажется, впереди их ждёт только счастье.

Но мир меняется за одно утро.

Отправившись в качестве военкора в зону вооружённого конфликта, Оливия оказывается в самом центре войны. Вместе с коллегами она проходит через разрушенные города, эвакуации мирных жителей, бесконечные обстрелы и человеческие трагедии.

Когда связь с ней внезапно обрывается, Денис оставляет всё и отправляется на поиски женщины, ради которой готов пройти через ад. Впереди — фронтовые госпитали, опасные дороги, разрушенные сёла и встреча с людьми, чьи судьбы навсегда изменит война.

Но самым тяжёлым испытанием окажется не страх смерти.

А необходимость сохранить в себе человечность тогда, когда вокруг рушится привычный мир.

Это роман о любви, которая проходит через войну, о мужестве людей, спасающих других, о выборе между ненавистью и милосердием, о цене каждого человеческого решения.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ли Оливия

Вишневый сад на Грозном утесе. Багряный рассвет

Пролог

*«Самые страшные битвы происходят
не на поле боя. Они происходят в
человеческой душе».*

Оливия Ли 2022

Каждую весну вишнёвые деревья зацветают одинаково.
Им всё равно, сколько прошло лет.

Кто родился.

Кто полюбил.

Кто навсегда ушёл.

Каждую весну они вновь надевают своё белое платье, осыпая землю лепестками, словно снегом, пришедшим слишком поздно.

Люди называют это весной.

Природа — продолжением жизни.

Человек проживает свою судьбу один лишь раз.

Весна возвращается всегда.

Она приходит в маленькие города, где пахнет сиренью и тёплой землёй.

К шумным столицам, никогда не знающим тишины.

К старым английским утёсам, над которыми не смолкает ветер.

К стеклянным небоскрёбам, отражающим первые лучи солнца.

Она не спрашивает, кто достоин её прихода.

Она просто приходит.

Но однажды приходит весна, которая уже не похожа на все предыдущие.

Весна, после которой человек начинает понимать, что жизнь состоит не из больших событий.

Она состоит из мгновений.

Из случайных встреч.

Из сказанных вовремя слов.

Из рук, которые однажды не отпустили твою ладонь.

И только годы спустя становится ясно:

именно эти мгновения и были нашей судьбой.

Глава 1

Осень в Нью-Джерси приходила незаметно.

Она не врывается холодным ветром и проливными дождями, как в Лондоне, не обжигала землю багряными закатами, как во Флориде. Она словно осторожно касалась верхушек клёнов, окрашивая их листву в золотисто-медные оттенки, наполняла воздух едва уловимым запахом влажной земли и спелых яблок..

Дом стоял на невысоком холме, окружённый молодыми клёнами и старыми дубами. За широкими окнами начинался просторный задний двор, ещё пустой, словно ожидавший, когда новая семья наполнит его своими воспоминаниями.

Входная дверь не закрывалась уже несколько часов.

Из неё то и дело выходили люди с пустыми коробками и возвращались с новыми.

В прихожей вдоль стены выстроились картонные коробки с крупными чёрными надписями:

«Книги».

«Кухня».

«Фотографии».

«Осторожно. Стекло».

Из глубины дома доносился детский смех.

— Догоняй! — закричал кто-то наверху.

Маленький Саша, сын Димы, промчался по лестнице так

быстро, что едва не сбил с ног Дениса, тащившего очередную коробку.

— Молодой человек, — строго сказал Денис, ловко подхватывая племянника одной рукой. — В этом доме превышение скорости пока запрещено.

Мальчик серьёзно посмотрел на него.

— А если очень надо?

— Тогда... — Денис сделал вид, что задумался. — Тогда сначала нужно получить разрешение у хозяина дома.

— А кто здесь хозяин?

Денис улыбнулся.

В гостиной мама уже спорила с грузчиками, куда поставить старинный буфет.

На кухне Оливия пыталась одновременно распаковать посуду и объяснить, что сначала надо закончить с коробками.

Во дворе Дима уже разжигал барбекю, хотя половина мебели ещё стояла в упаковке.

— Кажется... хозяина здесь уже давно никто не спрашивает.

Денис осторожно поставил коробку возле лестницы и вытер лоб тыльной стороной ладони.

— Кажется, в прошлый раз вещей было меньше.

— В прошлый раз, — отозвался Дима из кухни, — у тебя было меньше книг. А теперь, по-моему, ты решил открыть филиал Библиотеки Конгресса.

— Это не книги, — невозмутимо ответил Денис. — Это

жизненный опыт.

— Жизненный опыт весит килограммов двести, — рас-
смеялся Дима.

Из кухни донесся голос матери:

— Не спорьте, а лучше помогите мне найти коробку с чай-
ником. Если я сейчас не поставлю чай, никакого новоселья
не будет.

— Мам, — крикнул Денис, — ты приехала помогать или
командовать?

— Одно другому совершенно не мешает.

Все рассмеялись.

Оливия остановилась посреди гостиной, прижимая к гру-
ди небольшую картонную коробку. Она не слушала разговор
мужчин. Ее взгляд медленно скользил по комнате.

Светлые стены.

Высокие окна.

Камин, возле которого когда-нибудь обязательно появит-
ся большое кресло.

Широкая лестница, ведущая на второй этаж.

Дом еще пах свежим деревом, краской и картонными ко-
робками. Но сквозь открытые окна уже входили запах осен-
ней травы и теплой земли, словно природа торопилась пер-
вой обжить это место раньше хозяев.

Она улыбнулась.

Сколько раз за последние годы им приходилось начинать
жизнь заново?

Гжатск.

Москва.

Лондон.

Москва.

Нью Йорк.

Теперь Нью-Джерси.

Но впервые ей не хотелось думать о том, что будет дальше.

Впервые хотелось просто остановиться.

Жить.

Любить.

Просыпаться каждое утро в одном и том же доме.

Запоминать, как скрипит третья ступенька.

Где солнце появляется первым.

Какой запах приносит ветер после дождя.

Создать место, в которое всегда будут возвращаться.

— Лисенок?

Голос Дениса вывел ее из задумчивости.

Он уже стоял на лестнице, держа в руках связку ключей.

— Пойдем.

— Куда?

— Я хочу тебе кое-что показать.

Они поднялись на второй этаж.

Последней была самая светлая комната.

Денис открыл дверь.

Большие окна выходили в сад.

За ними медленно качались верхушки кленов, а дальше,

за живой изгородью, тянулись тихие улочки с такими же домами, словно сошедшими со страниц старых американских романов.

Оливия долго молчала.

Потом подошла к окну.

— Какая красивая комната... — прошептала она.

Денис ничего не ответил.

Он только смотрел на нее.

— Знаешь... — тихо сказала она, не отрывая взгляда от сада. — Мне кажется... именно здесь должна быть детская.

Несколько секунд никто не произносил ни слова.

За окном медленно колыхались верхушки клёнов. Ветер то затихал, то снова пробегал по кронам деревьев, словно невидимой рукой разглаживая листву. Оливия провела ладонью по прохладному подоконнику.

— Странно... — улыбнулась она. — Здесь даже тишина какая-то другая.

— Это потому, что здесь нет такси под окнами каждые тридцать секунд, — усмехнулся Денис.

— И сирен.

— И соседей, которые выясняют отношения в три часа ночи.

Она тихо рассмеялась.

— Нью Йорк сейчас на нас обиделся.

— Переживёт.

Она снова посмотрела в окно.

На соседнем участке пожилой мужчина неторопливо сгребал листья. Чуть дальше женщина поливала клумбу. По улице медленно проехал мальчик на велосипеде, отпустив одну руку с руля и что-то весело напевая себе под нос.

Такая простая, ничем не примечательная жизнь.

Когда-то ей казалось, что ей всегда будут нужны аэропорты, чужие города, редакционные командировки, ночные улицы, люди, истории...

Теперь ей впервые захотелось, чтобы дни стали похожи друг на друга.

Просыпаться рядом с Денисом.

По выходным жарить мясо во дворе.

Ссориться из-за пустяков.

Мириться через пять минут.

Ждать детей из школы.

Украшать дом к Рождеству.

И однажды, лет через тридцать или сорок, сидеть здесь же, у этого окна, вспоминая, какими смешными и молодыми они были.

— О чём задумалась? — спросил Денис.

Она долго не отвечала.

Потом повернулась к нему.

— Помнишь, ты однажды сказал мне, что человек становится по-настоящему богатым только тогда, когда ему есть куда возвращаться?

— Помню.

— Кажется... теперь я наконец поняла, что ты тогда имел в виду.

Денис подошёл к окну.

Они молча смотрели на сад.

Внизу хлопнула входная дверь.

— Ну где вы там? — раздался голос Димы. — Если не спуститесь через две минуты, я съем всё мясо без вас!

— Не съест, — усмехнулся Денис.

— Почему?

— Потому что мама ему не позволит.

Будто подтверждая его слова, снизу сразу же донёсся строгий голос матери:

— Дмитрий! Даже не думай пробовать раньше остальных!

Оливия рассмеялась так искренне, что Денис невольно улыбнулся вместе с ней.

— Пойдём, — сказал он.

— Пойдём.

Они уже выходили из комнаты, когда Оливия вдруг остановилась на пороге и ещё раз оглянулась.

Комната была пустой.

Только солнечный свет медленно полз по деревянному полу.

Она улыбнулась каким-то своим мыслям и очень тихо, почти шёпотом, сказала:

— Здесь будет счастливое детство...

Денис ничего не ответил.

Он просто взял её за руку.

И они вместе спустились вниз.

Мама Дениса вышла на крыльцо, держа в руках небольшой свёрток, аккуратно завернутый в светлую льняную ткань.

— Я ведь тоже приехала не с пустыми руками.

Денис удивлённо посмотрел на мать.

— Мам...

— Откройте.

Он осторожно развернул ткань.

Внутри оказалось совсем молодое вишнёвое дерево.

Тонкий ствол.

Несколько гибких ветвей.

Ярко-зелёные листья едва заметно дрожали от лёгкого сентябрьского ветерка.

Мать ласково провела рукой по тонкому стволу.

— Я выращивала его почти три года, — тихо сказала она.

Денис поднял на неё удивлённый взгляд.

— Три года?

Она улыбнулась.

— Не знаю почему... Всё время думала, что однажды подарю его тебе.

На несколько секунд во дворе стало тихо.

Даже дети перестали бегать, с любопытством разглядывая маленькое деревце.

Мать перевела взгляд на Дениса и Оливию.

— У каждого дома должно быть своё дерево.

Оливия осторожно коснулась тонкой веточки.

Потом посмотрела на просторный, залитый солнцем задний двор.

Её взгляд медленно скользнул по высокой траве, старым клёнам, дальнему уголку сада, где ветер лениво перебирал пожелтевшие листья.

Она улыбнулась.

Денис взял лопату.

И они вместе сделали первый шаг к своему будущему.

Племянники уже успели поспорить, кому доверят первому бросить землю в яму, Дима уверенно руководил процессом, хотя никто не просил его об этом, а мать только качала головой, с улыбкой наблюдая за этим шумным спектаклем.

— Дмитрий, — сказала она, — если ты и дальше будешь размахивать лопатой, дерево испугается и передумает расти.

— Мам, у меня всё под контролем.

— Вот именно это меня и пугает.

Все рассмеялись.

Когда дерево наконец посадили, мать подошла к Оливии.

Взяла ее за руки.

Внимательно посмотрела ей в лицо.

Потом неожиданно спросила:

— Девочка моя... ты хорошо себя чувствуешь?

Оливия удивленно улыбнулась.

— Конечно.

— Ты сегодня почти ничего не ешь.

Дима тут же обернулся.

— Точно! Я час жарю мясо, а главный человек на празднике даже не попробовал.

Оливия вопросительно посмотрела на Дениса.

Он поймал ее взгляд.

Она едва заметно кивнула.

Денис улыбнулся.

— Вообще-то... причина есть.

Во дворе стало тихо.

Даже Дима перестал шутить.

— Мам... — спокойно сказал Денис. — Кажется, скоро этот дом станет немного теснее.

Мать несколько секунд смотрела то на сына, то на Оливию.

Потом медленно улыбнулась.

— Неужели?..

Оливия молча кивнула.

Мать первой подошла к ней и крепко обняла.

— Господи... Какое счастье...

Она осторожно обняла Оливию.

Дима несколько секунд молчал.

Потом широко улыбнулся.

— Ну наконец-то!

Он крепко обнял брата.

— Поздравляю.

— Подожди, — засмеялся Денис. — Это еще не все.

— Что значит «не все»?

— Сегодня были на обследовании.

— И?

Денис посмотрел на Оливию.

Она тихо рассмеялась.

— Похоже... одной детской кроватки нам не хватит.

Дима непонимающе нахмурился.

Потом его глаза округлились.

— Да ладно...

— Да, — кивнул Денис. — Их двое.

Наступила короткая тишина.

Он снова обнял брата и, смеясь, добавил:

— Ладно... Тогда мне придется покупать подарки сразу в двойном экземпляре.

Глава 2

Дом уснул далеко за полночь.

Последними стихли детские голоса. Потом захлопнулась дверца машины, и красные огни медленно исчезли за поворотом. Ещё некоторое время внизу негромко переговаривались Денис и Дима, мать собирала оставленную на столе посуду, хотя Оливия несколько раз просила её ничего не трогать, а ветер шевелил бумажные салфетки на веранде и разносил по саду запах остывающих углей.

Потом уехали и они.

Дом опустел.

В гостиной остались сдвинутые стулья, два забытых на каминной полке бокала и раскрытая коробка с семейными фотографиями. На кухне под белым полотенцем дожидался утра недоеденный яблочный пирог. Возле лестницы возвышались коробки, до которых за весь день так никто и не добрался.

За окнами стояла глубокая осенняя ночь.

Молодое вишнёвое дерево темнело посреди залитой лунным светом лужайки. Ветер осторожно трогал его тонкие ветви, ещё не привыкшие к новой земле, и листья тихо дрожали в темноте, будто деревце прислушивалось к дому, в котором теперь ему предстояло расти.

В спальне было прохладно.

Окно оставили приоткрытым, и занавеска то поднималась, то бессильно опадала, пропуская запах влажной травы, земли и далёкого дыма.

Денис спал на спине, одну руку привычно положив поверх одеяла.

Рядом с ним, свернувшись на боку, спала Оливия.

Во сне с её лица исчезало то беспокойное внимание, с которым она всегда всматривалась в мир, словно боялась пропустить что-то важное. Оставалась та самая девушка, в глазах которой когда-то можно было увидеть любовь ко всему живому — к весне, дорогам, незнакомым городам, шумным людям, случайным встречам и самой жизни, какой бы трудной она ни была.

Лунный свет коснулся её волос.

Одна рыжая прядь лежала на подушке, почти золотая в темноте.

Она дышала спокойно.

Потом вдруг едва заметно нахмурилась.

Её пальцы шевельнулись на простыне.

Дыхание стало глубже.

Резче.

Она тихо втянула воздух, словно хотела что-то сказать, но не смогла.

Занавеска снова поднялась от ветра.

И вместе с ночным воздухом в комнату будто ворвался другой запах.

Гарь.

Сырой бетон.

Горячее железо.

Пыль, забившая рот и лёгкие.

Первый взрыв прогремел так близко, что мир содрогнулся.

Оконные стёкла разлетелись внутрь комнаты.

Кто-то закричал:

— «Грады»! Ложись!

Над крышами пронёсся тяжёлый свист.

Оливия не успела упасть.

Земля рванулась ей навстречу.

Удар.

Темнота.

В ушах зазвенело так сильно, что на несколько мгновений исчезли все остальные звуки.

Потом они вернулись разом.

Крики.

Сирены.

Плач ребёнка.

Треск огня.

— Быстрее! Бежим!

Кто-то тянул её за бронежилет.

Она пыталась подняться, но ноги не слушались.

Каска сползла на глаза. Фотоаппарат бил по груди. Во рту хрустел песок.

Ещё один свист.

Ближе.

Совсем близко.

— Ложись!

Вспышка разорвала улицу.

Машина на другой стороне дороги вспыхнула, словно бумажная. Из окон дома вырвался чёрный дым. Воздух наполнился осколками стекла, камня и чего-то горячего, обжигающего лицо.

Оливия бежала.

Не чувствовала ног.

Не понимала, куда.

Только бежала на детский плач.

— Здесь ребёнок!

Она свернула во двор.

И остановилась.

Посреди разбитой дороги лежала женщина.

На ней был светлый домашний халат. Один тапок слетел и остался у подъезда, второй всё ещё держался на ноге.

Женщина лежала неподвижно.

На руках у неё был ребёнок.

Она успела прижать его к себе.

Успела закрыть своим телом.

Оливия бросилась к ним.

— Вы меня слышите?

Никакого ответа.

— Пожалуйста...

Она опустилась на колени, протянула руку — и не смогла коснуться женщины.

Не смогла.

Потому что уже поняла.

— Помогите!

Голос сорвался.

— Кто-нибудь! Здесь женщина! Здесь ребёнок!

Но никто не шёл.

Вокруг продолжали рваться снаряды.

Кто-то кричал из соседнего дома.

Кто-то звал мать.

Кто-то снова и снова повторял одно имя.

Оливия заставила себя наклониться.

Ребёнок был жив.

Маленькая девочка.

Совсем маленькая.

Она не плакала.

Только смотрела широко раскрытыми глазами из-под старого клетчатого пледа.

Оливия протянула к ней руки.

И в этот момент снова слышала свист.

Долгий.

Низкий.

Невыносимый.

Она прижала девочку к груди и упала рядом с женщиной,

закрывая ребёнка собой.

Земля вздрогнула.

Но взрыва не было.

Вместо него откуда-то сбоку донёсся тихий голос:

— Тётя...

Оливия подняла голову.

У стены сидел мальчик.

Лет семи.

Может быть, восьми.

Она не сразу увидела кровь. Сначала заметила только красный воздушный шарик, который он держал в руке.

Яркий.

Праздничный.

Совершенно невозможный посреди дыма и разрушенных домов.

Тонкая верёвочка была намотана на его пальцы.

Шарик дёргался на ветру, рвался вверх, в чёрное от дыма небо.

— Тётя...

Мальчик снова позвал её.

Оливия хотела встать.

Хотела подбежать.

Но ноги не двигались.

Она пыталась крикнуть, но из горла не выходило ни звука.

Мальчик смотрел на неё.

Спокойно.

Слишком спокойно для ребёнка.

Потом его пальцы разжались.

Красный шарик поднялся над разрушенным двором.

Выше домов.

Выше дыма.

Выше криков.

— Нет!

Оливия рванулась к нему.

— Нет, пожалуйста!

Но расстояние между ними не сокращалось.

Она бежала, задыхаясь, проваливаясь ногами в серую пыль, а мальчик становился всё дальше.

— Подожди!

Ещё один свист разрезал небо.

— Не закрывай глаза!

Мальчик медленно опустил веки.

— Нет!

Она закричала.

— Нет! Нет! Пожалуйста!

Чьи-то руки схватили её за плечи.

— Оливия!

Она вырывалась.

— Пустите! Там ребёнок!

— Лисёнок!

— Он живой! Пустите меня! Я должна...

— Оливия, проснись!

Она резко открыла глаза.

Но Горловка не исчезла.

Перед ней всё ещё был мальчик.

Красный шарик.

Чёрный дым.

Мёртвая женщина в светлом халате.

Маленькая девочка на руках.

Она не видела комнаты.

Не видела лунного света.

Не узнавала человека, державшего её за плечи.

— Нет... — выдохнула она и отшатнулась. — Нет, там ребёнка... Денис, там ребёнок...

— Лисёнок, посмотри на меня.

Она судорожно хватала воздух.

Грудь сдавило так сильно, будто поверх неё снова лежала тяжёлая бронепластина.

— Я не успела...

— Оливия.

— Он звал меня...

— Посмотри на меня.

Она пыталась вдохнуть.

Не получалось.

Воздух входил короткими, болезненными толчками и тут же исчезал.

Всё тело трясло. Волосы прилипли к мокрому лицу. Пальцы так крепко сжимали его руку, что ногти впились в кожу.

— Не могу... — прошептала она. — Денис, я не могу дышать...

Он сразу притянул её к себе.

Одной рукой крепко обнял за плечи, другой прижал её ладонь к своей груди.

— Вот здесь.

Она не понимала.

— Чувствуешь?

Под её ладонью билось его сердце.

Ровно.

Сильно.

Живо.

— Слушай меня, — говорил он тихо, но твёрдо. — Ты в нашем доме. В Нью-Джерси. Я рядом. Окно открыто. За окном сад. Мы посадили вишню. Помнишь?

Она всё ещё смотрела сквозь него.

— Там был мальчик...

— Я знаю.

— У него был шарик...

Голос оборвался.

— Красный...

Её снова затрясло.

Денис крепче прижал её к себе.

— Дыши со мной.

Он медленно вдохнул.

— Вот так.

Она попыталась повторить, но воздух застрял в горле.

— Не получается...

— Получится. Не торопись. Смотри на меня.

Она подняла глаза.

Впервые увидела его.

Не сразу.

Сначала только тёмный силуэт.

Потом глаза.

Знакомые.

Испуганные сильнее, чем он хотел ей показать.

— Вот так, — прошептал он. — Только на меня.

Она сделала ещё один вдох.

Короткий.

Потом второй.

Денис продолжал держать её ладонь у своего сердца.

— Я здесь.

Вдох.

— Ты дома.

Выдох.

— Я рядом с тобой.

Постепенно комната начала возвращаться.

Белые стены.

Занавеска.

Лунная полоса на полу.

Коробка с вещами у дальней стены.

И его лицо.

Не Горловка.

Не дым.

Дом.

Оливия судорожно выдохнула и вдруг обмякла в его руках.

Несколько секунд она не плакала.

Только смотрела перед собой, широко открыв глаза, словно всё ещё боялась моргнуть.

А потом всхлипнула.

Один раз.

Глухо.

Почти по-детски.

И прижалась к нему так сильно, будто только его руки удерживали её от падения.

— Я видела их... — прошептала она ему в плечо. — Опять всех видела...

Денис молчал.

Гладил её по мокрым волосам.

— Женщину... Она лежала на дороге... В халате... Денис, она просто выбежала из дома. Понимаешь? Наверное, даже не успела одеться. Взяла ребёнка и побежала...

Слова вырывались вместе с дыханием.

Быстро.

Беспорядочно.

Она не рассказывала.

Она всё ещё была там.

— Она закрыла девочку собой... До последнего... А девочка смотрела на меня... Она не плакала... Почему она не плакала, Денис?

Он прижал губы к её виску.

— Не знаю, милая.

— Она должна была плакать... Кричать... А она только смотрела...

Оливия отстранилась, схватила его за рубашку.

— И мальчик... Господи, этот мальчик...

Она снова начала задыхаться.

— Тише. Я рядом.

— У него был красный шарик. Ты понимаешь? Там всё было серое. Дома, пыль, лица... А он держал красный шарик. Такой яркий... Наверное, у него был праздник. Может быть, день рождения... Я не знаю... Я даже имени его не спросила...

— Лисёнок...

— Не спросила!

Она почти закричала.

— Я стояла рядом и не спросила, как его зовут!

— Ты не могла.

— Могла!

— Нет.

Денис взял её лицо в ладони.

— Ты была под обстрелом.

— Какая разница?!

Слёзы хлынули по её щекам.

— Он был ребёнком! Он смотрел на меня и ждал, что я что-нибудь сделаю! А я стояла! Просто стояла и смотрела!

— Ты не могла остановить войну.

— Но я могла подойти к нему!

— Ты не знаешь, что происходило на самом деле. Это сон смешал всё, что ты видела.

— Я помню его глаза!

Она ударила себя ладонью в грудь.

— Вот здесь помню! Каждый раз! Стоит мне закрыть глаза — и он смотрит на меня!

Денис перехватил её руки.

Не позволил ударить себя снова.

— Посмотри на меня.

Она пыталась вырваться.

— Отпусти...

— Нет.

— Денис...

— Не отпущу.

Он обнял её, несмотря на сопротивление.

Оливия несколько раз ударила его кулаком в плечо.

Не сильно.

Бессильно.

Потом вдруг перестала бороться и зарыдала.

Не тихо, как раньше.

Не пряча лицо.

Её тело сотрясалось от каждого всхлипа. Она хваталась за

него, за одеяло, за воздух — за всё, что могло удержать её в этой комнате.

— Я не могу забыть... — повторяла она. — Не могу... Я так хочу хотя бы одну ночь ничего не видеть... Хотя бы одну... Но они всё время перед глазами... Эта женщина... девочка... мальчик... Господи, Денис, там были дети...

— Я знаю.

— Нет, ты не знаешь!

Она подняла на него заплаканное лицо.

— Никто не знает! Здесь люди просыпаются, ведут детей в школу, покупают кофе, спорят из-за парковки... А там мать лежала на дороге и всё равно продолжала держать ребёнка! Даже мёртвая держала! Как после этого жить так, будто ничего не случилось?

Он смотрел на неё, и в его глазах было то страшное бессилие, которое испытывает врач, когда перед ним человек, которого нельзя спасти ни лекарством, ни операцией.

— Если бы я знал... — начал он и замолчал.

Оливия всхлипнула.

— Что?

Он отвёл взгляд.

Провёл ладонью по лицу.

А потом снова посмотрел на неё.

— Если бы я знал, что ты привезёшь оттуда это...

Голос у него дрогнул.

— Если бы я хотя бы представлял, через что тебе придётся

пройти... Я бы никогда тебя не отпустил.

Она замерла.

— Денис...

— Я бы сам поехал за тобой. Нашёл бы тебя. Увёз оттуда, даже если бы ты потом ненавидела меня всю жизнь.

— Это был мой выбор.

— Знаю.

Он произнёс это почти с болью.

— Знаю, Лисёнок. И я не имел права его у тебя отнимать. Я понимал, почему ты должна была поехать. Понимал, что ты никогда не простишь себе, если останешься в стороне.

Он осторожно убрал волосы с её лица.

— Но если бы я знал, какую цену ты заплатишь...

Оливия закрыла глаза.

По её щеке снова скатилась слеза.

— Я должна была это увидеть.

— Почему?

Она открыла глаза.

— Потому что кто-то должен был смотреть.

Её голос всё ещё дрожал, но теперь она говорила медленно.

Не спокойнее.

Просто сил почти не осталось.

— Когда все отворачиваются... кто-то должен остаться. Кто-то должен запомнить. И рассказать.

— А кто будет спасать тебя?

Она молчала.

Денис притянул её ближе.

— Я, — сказал он. — Слышишь меня? Теперь — я.

Она покачала головой.

— Ты не можешь изменить то, что произошло.

— Нет.

— Не можешь вернуть этих людей.

— Нет.

— Не можешь заставить меня забыть.

— И не стану.

Она удивлённо посмотрела на него.

Он провёл большим пальцем по её мокрой щеке.

— Но я сделаю всё, чтобы ты больше никогда не оставалась с этим одна.

— Денис...

— Всё, что смогу.

Он говорил тихо.

Без красивых обещаний.

Почти сурово.

— Если ты проснёшься ночью — я буду рядом. Если не сможешь дышать — буду дышать вместе с тобой. Если захочешь говорить — буду слушать. Если не сможешь сказать ни слова — буду просто держать тебя.

Она смотрела на него сквозь слёзы.

— А если это никогда не закончится?

Он наклонился и коснулся лбом её лба.

— Тогда я буду рядом столько, сколько потребуется.

Губы Оливии дрогнули.

— Всю жизнь?

— Всю жизнь.

Она закрыла глаза.

И впервые с тех пор, как проснулась, смогла сделать глубокий вдох.

Денис осторожно уложил её обратно на подушки, но она не отпустила его руку.

— Не уходи.

— Никуда не уйду.

Он лёг рядом.

Оливия прижалась к нему, положила голову ему на грудь и снова накрыла ладонью его сердце.

Она слушала его биение.

Ровное.

Спокойное.

Живое.

За окном ветер продолжал шевелить ветви молодого вишнёвого дерева.

Прошло несколько минут.

Может быть, полчаса.

Денис уже подумал, что она уснула, когда Оливия вдруг едва слышно произнесла:

— Я боюсь за них.

Он не сразу понял.

— За кого?

Её ладонь медленно скользнула к животу.

— За наших малышей.

Он накрыл её руку своей.

— Почему?

— Не знаю...

Она сглотнула.

— Вдруг они чувствовали мой страх? Всё, что я видела...

Всё, что осталось во мне...

— Лисёнок.

— А если я передам им эту боль?

Денис приподнялся на локте и посмотрел ей в глаза.

— Ты передашь им другое.

— Что?

— Свою любовь к жизни.

Она молчала.

— Ту самую, за которую я тебя полюбил.

Он улыбнулся совсем немного.

— Они ещё не родились, а ты уже думаешь, как защитить их от всего мира.

— Я не смогу защитить их от всего.

— Конечно, не сможешь.

Она нахмурилась.

— Очень утешительно, доктор Северин.

Он осторожно поцеловал её в лоб.

— Зато они никогда не будут сомневаться, что их любят.

Несколько секунд она смотрела на него.

Потом сквозь слёзы появилась слабая улыбка.

Совсем маленькая.

Но настоящая.

— Сразу двоих, — прошептала она.

— Сразу двоих.

— Мы сумасшедшие.

— Возможно.

— Ты хоть представляешь, что нас ждёт?

— Бессонные ночи.

Она тихо рассмеялась.

— Они уже начались.

Он улыбнулся.

— Значит, тренируемся заранее.

Оливия снова положила голову ему на грудь.

На этот раз её дыхание постепенно стало ровнее.

Денис не спал.

Он лежал, глядя в темноту, и продолжал держать её, даже когда пальцы Оливии разжались и тело наконец перестало дрожать.

За окном медленно светлело.

Ночное небо теряло чёрную глубину. Над крышами соседних домов проступала тонкая серая полоса. Потом она стала бледно-розовой.

В саду первой проснулась птица.

Её короткая, неуверенная трель прозвучала в тишине по-

что неуместно — словно утро ещё не знало, что произошло этой ночью.

Оливия открыла глаза.

Несколько секунд лежала неподвижно.

Потом осторожно поднялась, стараясь не разбудить Дениса.

— Куда? — сразу спросил он.

Она обернулась.

— Ты не спал?

— Спал.

— Врёшь.

— Немного.

Она хотела встать, но вдруг резко остановилась и закрыла рот ладонью.

Денис поднялся вслед за ней.

— Тебе плохо?

Оливия не ответила.

Она быстро вышла из комнаты.

Через несколько минут вернулась бледная, с мокрым лицом.

Денис уже ждал её с водой.

Она сделала несколько глотков и села на край кровати.

— Прекрасное начало нового дня, — пробормотала она.

— Я могу приготовить чай.

— Только не кофе.

— Запомнил.

— И не яичницу.

— Хорошо.

— И вообще ничего, что пахнет едой.

Он серьёзно кивнул.

— Значит, приготовлю воздух.

Оливия посмотрела на него.

Потом тихо рассмеялась.

Смех получился слабым, ещё мокрым от недавних слёз, но от этого особенно живым.

Денис опустился перед ней на колени.

Осторожно положил ладонь ей на живот.

— Доброе утро, — тихо сказал он. — Я так понимаю, сегодня вы решили поддержать маму всей командой?

— Денис...

— Что?

— Они ещё слишком маленькие, чтобы устраивать заговоры.

— Это дети Севериных. Я бы не был так уверен.

Она покачала головой.

Но улыбка осталась.

Оливия подошла к окну.

Сад медленно выступал из утреннего тумана.

Ночная роса блестела на листьях вишневого дерева, а тонкие ветви уже тянулись к первому свету.

Денис подошёл сзади.

Обнял её.

Она положила руки поверх его рук.

Ещё несколько минут назад ей казалось, что ночь никогда не закончится.

Но она закончилась.

Как заканчивались все ночи.

Не отменяя того, что произошло.

Не заставляя забыть.

Просто уступая место новому дню.

Оливия смотрела на освещённое рассветом вишнёвое дерево.

Потом опустила взгляд на ладонь Дениса, лежавшую на её животе.

— Я не хочу, чтобы они когда-нибудь увидели то, что видела я, — тихо сказала она.

Он прижал её к себе крепче.

— Не увидят.

Глава 3

Лето пришло в Нью-Джерси как-то быстро.

Еще совсем недавно по утрам сад был укрыт белым цветением, словно кто-то на рассвете набрасывал на молодые деревья тончайшее кружево. Иногда лёгкий ветер поднимал с травы последние белые лепестки и долго кружил их над лужайкой, прежде чем снова отпустить на землю.

Молодая вишня, которую они посадили осенью всей семьёй, впервые зацвела.

Цветов было совсем немного.

Всего несколько белых веточек на ещё тонком стволе.

Но каждое утро Оливия обязательно подходила к окну.

И улыбалась.

— Посмотри, — сказала она однажды Денису. — Она прижилась.

Он тогда только обнял её за плечи.

— Я же говорил.

— Нет.

— Что — нет?

Она провела ладонью по стеклу.

— Деревья тоже умеют выбирать.

Он удивлённо посмотрел на неё.

— Если бы ей здесь было плохо...

Она покачала головой.

— Она бы не зацвела.

С тех пор Денис больше не спорил.

Каждое утро он тоже первым делом смотрел в сад.

Наверное, потому что где-то глубоко внутри начинал верить: Оливия действительно умеет понимать то, что другим людям недоступно.

В тот день было особенно тихо.

Ещё не взошло солнце.

Небо только начинало светлеть.

Дом спал.

И лишь открытое окно впускало в спальню свежий запах молодой листвы, влажной земли и первых летних цветов.

Оливия проснулась неожиданно.

Не от боли.

Не от тревоги.

Скорее от какого-то странного ощущения, которое невозможно объяснить словами.

Она долго лежала неподвижно.

Слушала.

За окном проснулась первая птица.

Потом вторая.

Где-то далеко прошёл ранний поезд.

И вдруг внутри неё кто-то осторожно шевельнулся.

Она улыбнулась.

Медленно положила ладонь на живот.

— Доброе утро...

— Едва слышно прошептала она.

— Не спится?

В ответ — лёгкий толчок.

Потом второй.

Она тихо рассмеялась.

— Даже не сомневалась...

Вы оба совершенно одинаковые.

Совсем как ваш отец.

Рядом, ничего не подозревая, крепко спал Денис.

Во сне он выглядел удивительно спокойным.

Исчезала привычная сосредоточенность хирурга.

Не было человека, который каждый день спасал чужие жизни.

Был просто мужчина, которого она любила.

И будущий отец.

Оливия долго смотрела на него.

Потом осторожно убрала с его лба непослушную прядь волос.

— Поспи ещё немного...

Очень скоро тебе будет не до сна...

Она улыбнулась.

И в ту же секунду улыбка медленно исчезла.

Что-то изменилось.

Не сразу.

Совсем чуть-чуть.

Будто внутри неё медленно натянулась невидимая струна.

Она нахмурилась.

Замерла.

Ждала.

Ощущение длилось всего несколько секунд.

Потом отпустило.

Она медленно выдохнула.

— Хм...

Наверное...

Она уже хотела снова лечь, когда это повторилось.

Теперь сильнее.

Не боль.

Пока ещё нет.

Скорее...

Настойчивое напоминание.

Она опустила глаза на живот.

Несколько секунд молчала.

А потом вдруг тихо улыбнулась.

Совсем иначе.

Словно наконец всё поняла.

— Вот, значит, как...

Она снова посмотрела на Дениса.

Ей вдруг стало жалко его будить.

Она знала, как редко он спал спокойно.

Но малыши, кажется, решили, что сегодняшний день уже принадлежит им.

Оливия осторожно коснулась его плеча.

— Денис...

Он что-то тихо пробормотал во сне и даже не открыл глаз.

Она рассмеялась.

— Любимый...

Просыпайся...

Кажется...

Наш вишнёвый сад решил встретить вас цветением.

Не открывая глаз, нащупал её ладонь и привычно переплёл свои пальцы с её.

— М-м-м...

Очень красивая мысль...

Давай обсудим её... часов через пять...

Оливия тихо рассмеялась.

— Боюсь, через пять часов будет уже поздно.

Он наконец открыл один глаз.

Потом второй.

Несколько секунд молча смотрел на неё.

Слишком спокойно.

Слишком внимательно.

Улыбка медленно исчезла.

— Лисёнок...

Она только кивнула.

Стеклянные двери госпиталя разъехались в стороны прежде, чем Денис успел до них дотронуться.

— Доброе утро, доктор Северин, — спокойно произнесла дежурная медсестра, даже не поднимая головы от компьюте-

ра.

— Самое доброе, — улыбнулся Денис, придерживая Оливию за плечи.

Женщина наконец посмотрела на них.

Потом перевела взгляд на большой живот Оливии.

Потом снова на Дениса.

И улыбнулась.

— Ну, наконец-то.

— Что значит «наконец-то»? — не понял Денис.

— Половина отделения уже неделю живёт в ожидании этого дня.

Несколько секунд никто не произносил ни слова.

Оливия сидела, прикрыв глаза, пережидая очередную схватку.

Денис стоял рядом.

Навстречу уже спешила старшая акушерка.

— Доброе утро, доктор Северин.

Она тепло улыбнулась Оливии.

— Мы вас уже ждали.

— Я начинаю подозревать, что здесь действительно все знали о моих родах раньше меня, — улыбнулась Оливия.

— Не все, — рассмеялась акушерка. — Только всё отделение.

Она ловко проверила документы и кивнула двум медсёстрам.

— Палата готова.

Пока они шли по коридору, двери палат одна за другой оставались закрытыми. Где-то негромко разговаривали врачи, кто-то торопливо перелистывал историю болезни, за стеклом детского поста молодая медсестра готовила крошечные распашонки и маленькие шапочки.

Оливия невольно задержала на них взгляд.

Такие маленькие...

Она даже представить не могла, что совсем скоро две из них будут ждать именно её детей.

— Остановились.

Акушерка распахнула дверь просторной палаты.

Большое окно выходило в больничный сад.

Утреннее солнце уже золотило верхушки деревьев.

В комнате пахло чистым бельём и свежими цветами.

На подоконнике стоял небольшой букет белых лилий.

— Это ещё откуда? — удивился Денис.

Медсёстры переглянулись.

— Ну...

Одна из них смущённо улыбнулась.

— Мы решили, что у доктора Северина сегодня особенный день.

Денис хотел что-то сказать.

Но только покачал головой.

— Спасибо...

Получилось совсем тихо.

Пожалуй, слишком тихо для человека, которого здесь

привыкли видеть уверенным и невозмутимым.

Медсестра вдруг лукаво посмотрела на него.

— Доктор...

— Да?

— Можно один вопрос?

Он насторожился.

— Какой?

— Вам страшно?

Оливия медленно повернула голову.

Ответ ей тоже был интересен.

Денис несколько секунд молчал.

Потом честно улыбнулся.

— До смерти.

Медсестра рассмеялась.

— Вот теперь верю, что вы действительно станете папой.

Все улыбнулись.

Даже Оливия.

Но новая схватка быстро вернула их к реальности.

Она глубоко вдохнула и крепче сжала край простыни.

Денис сразу оказался рядом.

Взял её за руку.

Она посмотрела на него снизу вверх.

— Только...

Не начинай сейчас считать интервалы.

Он смущённо отвёл взгляд.

— Поздно...

— Уже считаешь?

— Уже.

Она тихо покачала головой.

— Ты невозможный.

— Знаю.

— И всё равно люблю тебя.

Он наклонился и коснулся губами её лба.

В этот момент в палату вошёл доктор Харрис.

Он окинул взглядом обоих.

Потом посмотрел на Дениса.

— Северин.

— Да?

— А теперь...

Будь добр.

Перестань быть доктором.

И просто держи жену за руку.

Со всем остальным мы как-нибудь справимся.

Потом всё закончилось.

Так неожиданно, что Оливия не сразу это поняла.

Ещё секунду назад мир состоял только из боли, напряжённого дыхания, тихого голоса доктора Харриса и крепкой руки Дениса, которую она не отпускала ни на мгновение.

И вдруг наступила тишина.

Та удивительная тишина, которая приходит только после долгой бури.

Она длилась всего одно мгновение.

Потом воздух разрезал громкий детский крик.

Такой чистый.

Такой уверенный.

Такой живой.

Он словно пролетел через всю палату, коснулся каждого сердца и растворился где-то высоко под белым потолком.

Доктор Харрис поднял глаза.

Его спокойное, привычно невозмутимое лицо вдруг осветила улыбка.

— Поздравляю, — тихо сказал он. — У вас сын.

Денис не слышал собственных шагов.

Не заметил, как подошёл ближе.

Перед ним лежал крошечный человек.

Совсем маленький.

Смятый после долгого путешествия в этот мир.

С сердито сжатыми кулачками.

Смешной.

Настоящий.

Его сын.

Денис смотрел на него так, словно впервые видел чудо.

Хотя за годы работы в госпитале ему не раз приходилось брать на руки новорождённых.

Но сейчас всё было иначе.

Тогда это были дети других людей.

А теперь...

Теперь перед ним лежала его собственная жизнь.

Он осторожно коснулся маленькой ладони.

Та неожиданно раскрылась.

Тонкие пальчики медленно сомкнулись вокруг его пальца.

Совсем слабо.

Почти невесомо.

Но Денису показалось, что никогда ещё в жизни никто не держал его так крепко.

Он судорожно вдохнул.

И в эту самую секунду палату наполнил второй крик.

Более звонкий.

Более нетерпеливый.

Будто кто-то маленький и очень решительный уже с первых мгновений жизни хотел заявить о себе всему миру.

Доктор Харрис тихо рассмеялся.

— А вот и ваша дочь.

Оливия повернула голову.

Слёзы сами катились по её щекам.

Она даже не пыталась их вытереть.

Перед ней осторожно положили девочку.

Та смешно морщила крошечный носик, возмущённо двигала губами и никак не соглашалась с тем, что этот огромный, шумный мир имеет право будить её так рано.

— Посмотри... — едва слышно прошептала Оливия.

Денис опустился рядом.

Он долго молчал.

Потом посмотрел сначала на сына.

Потом на дочь.

Потом на женщину, которую любил больше собственной жизни.

И только тогда понял, что не может произнести ни слова.

Все слова вдруг показались маленькими.

Недостаточными.

Не способными вместить то счастье, которое переполняло его сердце.

Доктор Харрис внимательно посмотрел на него и улыбнулся уголками губ.

— Доктор Северин...

Кажется, впервые за всё время нашего знакомства вы потеряли дар речи.

Денис тихо рассмеялся.

Не отводя глаз от детей.

— Кажется...

Да.

Харрис поправил одеяло на плечах Оливии и негромко сказал медсёстрам:

— Оставим их ненадолго.

Никто не стал спорить.

Одна за другой медсёстры бесшумно вышли из палаты.

Последним закрыл дверь доктор Харрис.

И сразу стало удивительно тихо.

За окном начиналось летнее утро.

Солнечный свет медленно скользнул по подоконнику, коснулся белых простыней и остановился на двух маленьких лицах.

Оливия смотрела на детей так, словно пыталась запомнить каждую чёрточку.

Каждый вздох.

Каждое движение.

— Здравствуй... — прошептала она.

Невозможно было понять, к кому она обращается.

К сыну.

К дочери.

Или к новой жизни, которая только что вошла в их дом.

Денис наклонился и осторожно поцеловал её в лоб.

Потом — сына.

Потом — дочь.

И только после этого снова взял Оливию за руку.

И они молча смотрели на детей.

В этот момент весь огромный мир вдруг стал размером с две маленькие ладошки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.